

XX 232^a
1

ЖУРНАЛЪ

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

ЧАСТЬ ССѪШ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ В. С. БАЛАШЕВА

Екатерининскій каналъ, между Вознесенскимъ и Маринскимъ мостами, д. № 90—1.

1880.

СОДЕРЖАНІЕ.

Правительственныя распоряженія.

Наблюденія во время путешествія по Босніи
въ 1879 году П. Ровинскаго.

Феофанъ Прокоповичъ какъ писатель П. Морозова.

О западныхъ границахъ Подкарпатской
Руси, со временъ св. Владиміра А. И. Д.

Критическія и библиографическія замѣтки:

Новѣйшіе приемы научной критики Д. Самоѣвасова.

Къ вопросу о судьбѣ Калмыцкаго права на русской
почвѣ Н. Попова.

Россійская Библиографія. Указатель новыхъ произве-
деній литературныхъ, ученыхъ и художествен-
ныхъ, издаваемый книгопродавцемъ Э. Гартъе. Л. Ст.

Европейское международное право. А. В. Гефтера.
Переводъ барона К. Таубе. Н. И.

Наша учебная литература А. Кирпичникова и
А. С.

Отчетъ Императорской Академіи Наукъ по
физико-математическому и историко-
филологическому отдѣленіямъ за 1879
годъ.

Шестой съѣздъ русскихъ естествоиспыта-
телей и врачей Евг. Романовскаго.

Два изслѣдователя Кавказскихъ языковъ . Ал. Цагарели.

Извѣстія о дѣятельности и состояніи на-
шихъ учебныхъ заведеній: а) универ-
ситеты.

Заграничная корреспонденція.

Некрологъ: I. И. И. Срезневскій Л. Майкова.
II. Н. Н. Зининъ. III. О. Н. Глинка.

О ЗАПАДНЫХЪ ГРАНИЦАХЪ ПОДКАРПАТСКОЙ РУСИ, СО ВРЕМЕНЬ СВ. ВЛАДИМИРА.

Изъ лѣтописи преп. Нестора извѣстно, что Русь граничила въ X в. на юго-западѣ съ государствами Польскимъ, Чешскимъ и Угорскимъ: „и бѣ живя съ князи околними миромъ, съ Болеславомъ Лядскимъ, и съ Стефаномъ Угрскимъ, и съ Андрихомъ Чешскимъ, и бѣ миръ межю ими и любы“. (Лавр. Лѣт. по изданію 1872 г., стр. 124). Но начальная лѣтопись не указываетъ черты, по которой граничила земля Русская съ Польскою, Чешскою и Угорскою: лѣтописецъ довольствовался исчисленіемъ Русскихъ племенъ: Словѣнь, Полянъ, Древлянъ, Дреговичей, Полочанъ, Сѣверянъ, Кривичей, Бужанъ, Радимичей, Вятичей, Дулѣбовъ, Улучей или Угличей, Тиверцевъ и Бѣлыхъ Хорватовъ, безъ точнаго опредѣленія ихъ географическихъ границъ. Не удивительно, что и позднѣйшіе русскіе историки не имѣли яснаго понятія о древнихъ границахъ юго-западной Руси: къ тому же она раздѣлилась на нѣсколько частей, изъ коихъ Подкарпатская подъ гнетомъ Угровъ и Поляковъ не имѣла возможности разработывать свою старину и поддерживать старыя преданія. Русь же восточная привыкла смотрѣть на области подкарпатскія, какъ на утраченное достояніе Русскаго племени, особенно со времени введенія въ нихъ уніи и утвержденія господства польскаго и мадьярскаго. Между тѣмъ, для полноты пониманія русской исторіи необходимы точныя свѣдѣнія о юго-западныхъ границахъ древней Руси. Предлагаемая статья имѣетъ цѣлью разяснить хоть нѣкоторыя стороны этого вопроса.

I.

Какъ далеко ни лежитъ теперь за предѣлами Руси городъ Краковъ, однако встарину, въ X вѣкѣ, онъ былъ пограничнымъ польскимъ укрѣпленіемъ, расположеннымъ близъ русской границы, пролегавшей примѣрно отъ Бохни чрезъ Тымбаркъ къ Новому Торгу, а далѣе по гребнямъ Татеръ. Въ доказательство такого направленія древней русско-польской границы можно привести слѣдующее:

1. Въ сообщенной Мураторіемъ древней грамотѣ временъ Мечислава I (970—990 гг.) Краковъ помѣщается на границахъ Руси: *et fines Russiae usque in Cracoa* (см. В. А. Мацѣевскаго: *Pierwotne dzieje Polski i Litwy*, 1846, стр. 374).

2. Въ описаніи путешествія на Волгу доминиканца Рикарда при Белѣ IV (1235—1270 гг.) упоминается *dux magnae Sandomiriae, quae est terra Ruthenorum* (см. Pray, *Dissert. de Hung.*, p. 316; *Deserici, De initiis Hung.*, I, 170).

3. Въ грамотѣ Польскаго короля Казимира Великаго отъ 1344 г. упоминается рускій городъ Ржешовъ: *oppidum Rzeschoviense cum suo toto districtu in terra Russiae situm, secundum quod antiquitus per serenissimos duces Russiae extitit limitatum* (см. L. Rzyszczewski, *Cod. diplom.*, I, 204). Извѣстно, что городъ Ржешовъ лежитъ на западной сторонѣ не только р. Сана, но и Вислока, то-есть, на этнографическомъ полѣ Польскаго племени.

4. Въ грамотѣ того же короля отъ 1348 г. и городокъ Роги съ г. Кросно, лежащіе къ западу отъ рр. Сана и Вислока, помѣщаются также въ Русской землѣ: *villa nostra vulgariter dicta Rogi in terra Russiae prope Krosno* (см. *Libri foundationum*, tom. CI, pag. 100, во Львовскомъ земскомъ судѣ).

5. Въ грамотѣ Владислава Ягайлы 1434 г. городъ Яслиска, расположенный западнѣе р. Сана, причисляется съ окружающими его селеніями къ Руси: *in terra Russiae et districtu Sanocensi* (изъ грамотъ г. Перемышля, подъ 1775 г.).

6. Въ докладѣ западно-русской уніатской іерархіи къ папскому нунцію о состояніи церковныхъ дѣлъ въ земляхъ западно-русскихъ городъ Судецъ (*Sandecium*, пол. Сончъ) причисляется къ Руси, именно къ русской Перемышльской епархіи, подобно Спишу и многимъ другимъ городамъ подкарпатскимъ. Приводимъ соответствующее мѣсто доклада: *Episcopatus Premisliensis amplissimus, nobiles in eo quamplurimi*

Rutheni, si omnes essent obedientes ter mille numerarentur parochiae. Sed inquietissimus, a 50 enim annis unitorum cum schismaticis perpetua ibi est concertatio. Unitus episcopus cathedra pulsus toties et toties, iterumque eam recepit. Nupernus vero mortuus per 12 annos episcopatum regens in villa debuit propria cathedram locare. Extollitur hic episcopatus in longum latum plus quam 100 milliaria germanica, nam etiam Hungariae nonnullae (partes) et Scepusiensis capitaneatus non procul Cracovia civitate ad eum pertinet. In hoc episcopatu oeconomia regia Samboriensis, aliquot supra decem civitates continens, ad 400 autem villas. In hoc sita Premislia civitas celebris et nova Samboria, bene ambae munitae, Jaroslavia, Sanocia, Sancia et Stryi, aliaeque regales civitates cum capitaneatibus, plurimaque oppida dominorum, millenae et millenae villae. In hoc plurimi sunt schismatici, et ideo mirabilia perpassi uniti, ut ex infra dictis patebit (см. Narasiewicz Annales ecclesiae ruthenae. Leopoli. 1862, p. 303).

7. Въ грамотѣ Болеслава, князя Краковскаго и Судомирскаго, отъ 1255 г., при пожалованіи Краковскому епископу и капитулу нѣсколькихъ селеній въ землѣ Судецкой (Сандецкой), нужнымъ считалось полученіе на то согласія бывшей королевы Галицкой Соломеи: *interventu venerabilis sponsae Christi germanae sororis videlicet Solomeae quondam Galiciae reginae.* (Pray, Annales R. N. I, 297). Это обстоятельство объясняется принадлежностью пожалованныхъ помѣстій къ Русскому государству.

8. По свидѣтельству минорита Константина Малегорскаго, монастырь *fratrum minorum* въ Новомъ Судецѣ (*Sandecium*) владѣеть образомъ Спасителя, писаннымъ на деревѣ св. Лукою и подареннымъ Русскимъ княземъ Львомъ одному карпатскому отшельнику, жившему на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ вышеозначенный монастырь: *Habet iste conventus clenodium spirituale, hoc est faciem Domini nostri Jesu Christi graeco penicillo a S. Luca in tabella lignea depictam, quam cum Leo princeps Russorum ab imperatore orientis Constantino poli dono accepisset, uni pio et sancto eremitaе, ad montes Carpatos angelicam ducenti vitam, propter fructum spiritualem donavit.* In hocce loco, ubi iste duxit vitam eremiticam, extat conventus P. P. Minoritarum et civitas Neo Sandecensis (*Bardossy, Supl. anal. Scepusii. 162 p.*). Нельзя допустить, чтобы Русскій князь подарилъ такую святыню монаху не православному, а латинскому, который не могъ бы даже встрѣтиться съ Русскимъ княземъ, еслибы Судецкая земля лежала внѣ Руси.

9. Мартинъ Кромеръ († 1589 г.) причисляетъ къ Руси городъ Лежайскъ, расположенный къ западу отъ р. Сана (см. *De situ Poloniae*, въ Собрании Мицлера, I, 124).

10. Матвѣй Стрыйковскій, въ своемъ сочиненіи *Sarmatiae Europaeae descriptio* (1578 г.), причисляетъ къ Руси городъ, лежащій западнѣе и р. Сана и р. Вислока (см. Собрание Мицлера, I, 59).

11. Краковскій прелатъ Янъ Красинскій († 1612 г.), въ своемъ сочиненіи *Polonia* (Собрание Мицлера, I, 418), положительно утверждаетъ, что граница Руси и Польши находится близъ г. Кракова: *Roxolania... Carpathios montes non longe ab urbe attigit Cracovia.*

12. Всѣ угорскіе и нѣмецкіе писатели временъ раздѣловъ Польши причисляютъ всю австрійскую Галицію къ древней Руси, за исключеніемъ воеводствъ Освѣцимскаго и Заторскаго, лежащихъ къ западу отъ Кракова и входившихъ въ составъ областей чешской короны (см. *Pray, Per. Austr.* p. 424; *F. A. Kollar, Vorläufige Ausführung der Rechte des Königreichs Hungarn*, Wien, 1772; *Palma, De titulis Mariae Theresiae*; *Joh. Gottfr. Einhorn, Weltgeschichte*, V, 194; *Fessler*, X, 189; *Emil Janitsch, Geschichte der deuts. österr. Monarchie*, VI, 245; *Ch. W. Koch, Jurium Hungariae in Russiam Minorem et Podoliam, Bohemiaeque in Osvicensen et Zatoriensen ducatum praevia explicatio. Vindobonae 1773*).

13. Въ грамотѣ Маріи Терезіи 15-го ноября 1773 г., призывающей жителей Галиціи и Лодомеріи, а равно воеводствъ Освѣцимскаго и Заторскаго, къ присягѣ вѣрноподданства, дѣлается ссылка на историческія права королевы Угорской на двѣ первыя области, а королевы Чешской—на двѣ остальные: *Posteaquam spectatis intuitu regni Hungariae et Bohemiae coronae nostrae competentibus Nobis in varias Poloniae provincias juribus... quas illa (M. Theresia) secundum litteras suas patentes 11 Septembris 1772 publicatas occupari jussit, tamquam vindicatum aequivalens omnium praetensionum e regnorum suorum Hungariae et Bohemiae antiquissimis juribus derivatarum.* Изъ этого видно, что вся Галиція раздѣляема была составителями этой грамоты на двѣ части: русскую и чешскую, изъ коихъ послѣдняя обнимала лишь области къ западу отъ Кракова.

14. Подобный взглядъ на принадлежность къ Руси всей Галиціи къ востоку отъ Кракова выраженъ и въ трактатѣ, заключенномъ 18-го сентября 1773 г. между Австріей и Польшею, именно во 2-й статьѣ его.

15. Въ титулѣ австро-угорскихъ государей также находимъ при-

знаніе русскаго, а не польскаго характера всей Галиціи. Кромѣ Кракова и Освѣцима съ Заторомъ, императоръ титулуется: rex Galiciae et Lodomeriae, dux Osvicinensis et Zatoriensis, а съ 1846 г. и dux Cracoviensis, но о Польшѣ во всѣхъ этихъ титулахъ нѣтъ упоминаній. Очевидно, для послѣдняго не находилось никакого основанія, такъ какъ въ противномъ случаѣ государи, ревниво сохраняющіе въ своихъ титулахъ упоминаніе Лотарингіи, прусской Силезіи, Іерусалима и множества мелкихъ графствъ и областей, не упустили бы прибавить къ нимъ: *partium Poloniae dominus et haeres*, еслибы къ тому представился хоть слабый поводъ.

16. Послѣднимъ и самымъ убѣдительною доказательствомъ распространенія древней Руси до самаго Кракова служитъ то, что и теперь русское населеніе начинается въ Галичинѣ отъ самаго Дунайца подъ Татрами, въ близкомъ разстояніи отъ Кракова, гдѣ находятся русскія селенія: Шляхтова, Яворки, Черная-вода, Бѣлая-вода, Зубрикъ, Верхomla-великая, Верхomla-малая, Ростока-малая, Золотное, Чачовъ, Матѣва, Котовъ, Богуша, Королевка-русская, Бинчарова, Флоринка, Ласкова, Лоси, Бѣлянка, Мушина-малая, Мушина-великая, Боднарка, Теклинъ, Клопотница, Пильгримка, Маркова, Березова, Скальничъ, Куты, Ивля, Хирова, Торстяна, Завадка, Балудянка, Волька, Лядинъ, Воробликъ, Беска и т. д. Вообще, между рѣками Дунайцемъ и Вислокомъ находится 172 русскихъ селеній, съ 129 русскими церквями и свыше 90,000 русскихъ жителей. Ужели все это русскіе колонисты на польской этнографической области? Исторія ничего не знаетъ о подобной колонизаціи. Извѣстно лишь то, что въ прежнее время число этихъ подкраковскихъ Русскихъ было гораздо больше нынѣшняго, такъ какъ значительная ихъ часть была окатоличена и смѣшалась съ Мазурами и Горалями, подобно тому какъ на южныхъ склонахъ Бескида Русь смѣшалась и отчасти слилась со Словаками. Еще въ 1660 г., по донесенію Перемышльскаго епископа Станислава Сарновскаго папѣ Александру VII, въ Перемышльской епархіи насчитывалось до 3,400 русскихъ приходоу, съ 3 милліонами русскаго православнаго населенія; теперь ихъ не болѣе 800,000, а съ Русью Угорскою, входившею прежде въ Перемышльскую же епархію, до 1½ милліона.

Въ виду всѣхъ этихъ данныхъ, нельзя не согласиться съ мнѣніемъ галицкаго историка Діонисія Зубрицкаго, что древняя Русь простиралась до самаго Кракова, который самъ построенъ, по его

мнѣнію, на почвѣ искони русской (Die Gränzen zwischen der russischen und polnischen Nation in Galizien. Lemberg, 1849).

II.

Опредѣливъ на основаніи грамотъ, хроникъ и другихъ данныхъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ, что древняя граница Руси отъ племени Польскаго доходила въ нынѣшней Галичинѣ до линіи отъ Кракова до Татръ, мы переходимъ къ разсмотрѣнію ея продолженія въ Угорщинѣ, при чемъ предполагаемъ доказать, что нынѣшній Спишъ входитъ въ составъ земель искони-русскихъ, составляетъ часть наслѣдія св. Владиміра.

Въ самомъ дѣлѣ, въ составъ племенъ древне-Русскихъ входили Хорваты (Бѣлые), какъ о томъ свидѣтельствуется Несторъ: „и живаху въ мирѣ Поляне... и Хорвате“ (Лавр. Лѣт. по изд. 1872 г. стр. 12); „иде Олегъ на Греки, поя же множество Варягъ и Словенъ... и Хорваты“ (ib. 29); „иде Володимиръ на Хорваты“ (ib. 119). На этомъ основаніи и Карамзинъ, и Соловьевъ причисляютъ Бѣлыхъ Хорватовъ къ составнымъ племенамъ древней Руси (Ист. Госуд. Росс., изд. 1842 г. I, 19. пр. 77; Соловьевъ, Ист. Росс. 1857 г., I, 48).

Но гдѣ жили въ старину эти Бѣлые или русскіе Хорваты? Мы предполагаемъ, что они занимали средину Карпатъ или Бескидовъ, то-есть, отъ линіи какъ сѣверные, такъ и южные склоны этихъ горъ, между Краковомъ и Остригономъ (Strigonium, Gran) на сѣверо-западѣ до Тисы и Сама (Samusius, Samosch) въ Угорщинѣ и Семиградьѣ и старой границы между Валахіей и Молдавіей на юго-востокѣ.

Но возвратимся къ землѣ Спишской. Болеславъ I, король Польскій, занявъ въ 1018 г. Червенскіе города (Лавр. Лѣт., стр. 140), то-есть, Перемышль и др., не могъ не овладѣть одновременно съ тѣмъ и всею русскою областью между Перемышлемъ и Краковомъ, а слѣдовательно, и Спишскою землею, но вся эта область опять была возвращена въ 1031 г. великимъ княземъ Ярославомъ (Лавр. Л., 146). Не долго, впрочемъ, Спишъ оставался затѣмъ въ соединеніи съ Русью, онъ отошелъ вскорѣ къ Полякамъ по однимъ предположеніямъ въ 1069 г. (Карамзинъ, II, 45), по другимъ же, болѣе вѣроятнымъ,—въ 1102 г. вслѣдствіе выхода княгини Сбыславы Святополковны за короля Польскаго Болеслава (Лавр. Л., 266). Во всякомъ случаѣ, около 1108 Спишъ находился въ рукахъ послѣдняго. Въ этомъ году, по разказу Кромера (De orig. Pol. I. V), въ Спишѣ происходилъ съѣздъ Боле-

слава Польскаго съ Коломаномъ I Угорскимъ, при чемъ заключенъ договоръ объ обрученіи угорскаго королевича Стефана съ польскою княжною Юдиною (дочерью Сбыславы Святополковны), которой въ приданое отданъ былъ пожизненно Спизъ: Unde loco dieque constituto conveniunt principes in Scepusiensi territorio, societatem inter se ineunt, communes amicos, communes hostes sibi fore promittunt. Ut foedus hoc firmum perenneque sit, nova affinitate sanciant: Colomannus enim Juditam Boleslai filiam Stephano natu majori filio suo despondit, Scepusiense territorium, quod Poloniae ditionis erat, in dotem datum.

Это свидѣтельство Кромера дословно почти подтверждается и Длугошемъ, который прибавляетъ (Hist. Pol., lib. IV, ad an. 1108), что хотя Спизъ лишь временно (tunc) принадлежалъ къ Польшѣ, однако не малая его часть состояла изъ земли краковской, слѣдовательно, польской: Colomannus Ungariae rex filio suo natu majori Stephano filiam Juditam Boleslai polonorum ducis desponsat uxorem, provinciam Scepusiensem, quae tunc juris polonorum fuerat et pars ejus non modica in terra Cracoviensi consistebat, Boleslaus filiae in dotem consignat. Ab eoque tempore sequestrata a Polonia in proprietatem et ditionem Ungarorum transiit.

И польскій хронистъ Матвѣй Мѣховскій сообщаетъ тѣ же свѣдѣнія (Chron. Pol., l. III, c. 8, p. 49: Stephanus filius Colomanni regis natu major accepit Juditam Boleslai ducis Poloniae natam, cui pro dote assignavit terram Scepusiensem, et ab eo tempore in proprietatem Hungarorum transiit), однако прибавляетъ въ другомъ мѣстѣ (с. 15, p. 57), что не всѣ историки называютъ мужа Юдины Стефаномъ, но нѣкоторые—Коломанномъ, вѣнчаннымъ въ король Галича: hunc Boleslaum ducem tradidisse filiam suam ex ruthena genitam Colomanno alteri filio Colomanni regis Ungariae, ad coronandum eum in regem haliciensem, et non Stephano majori natu...

Но положительнѣе и подробнѣе всѣхъ разъясняетъ этотъ историческій фактъ одинъ изъ древнѣйшихъ польскихъ хронистовъ, Познанскій епископъ Богуфаль († 1253). Въ своей хроникѣ подъ 1108 г. онъ разказываетъ, что Болеславъ выдалъ свою дочь Юдию, рожденную отъ русской крови, за угорскаго королевича Коломана, при чемъ онъ далъ ей въ пожизненное владѣніе землю Спизскую. Королевичъ Коломанъ коронованъ былъ съ согласія государей Угорскаго и Польскаго въ король Галицкіе. По смерти Юдины, Угры отказались возвратитъ Польшѣ Спизъ, а обмѣняли его коварнымъ образомъ на Пере-

мышль, что было причиною раздоровъ между двумя государствами; такъ-то коварно отчужденъ Спишъ отъ Польши и удерживается до настоящаго времени Уграми! (Jste Boleslaus filiam suam de ruthena genitam Colomanni regis Hungarorum filio matrimonialiter copulavit, cui nomine dotis castellaniam de Spisz, quoad viveret, possidendam assignavit. Quem Colomannum una cum rege Hungarorum Haliciensibus in regem praefecerunt, cujus coronationem rex Boleslaus, prout erat credulus, per regem Hungariae dolose circumventus, castellaniam de Spisz Hungariae incorporandam tradidit et loco ejusdem castellaniam Premis-lensem nomine dotalitii filiae suae recepit. Haec autem dolositas fuit origo dissensionum inter Polonos et Hungaros, prout in sequentibus patebit. Et sic castellania de Spisz a Polonis abalienata per Hungaros usque ad praesens fraudulenter detenta occupatur).

Изъ приведенныхъ свидѣтельствъ видно, что Спишская земля въ 1108 г. была подвластна Болеславу Польскому и въ означенномъ году отдана пожизненно въ приданое Юдиѣи, его дочери отъ русской княжны Сбыславы Святополковны и такъ перешла во власть Угорскихъ королей; послѣ ранней смерти Юдиѣи, Угры не возвратили Болеславу Польскому Спиша, а отдали ему въ замѣнъ новозавоеванную землю Перемышльскую (то-есть, остальные части княжества Перемышльскаго). Такимъ образомъ Спишъ остался въ рукахъ угорскихъ, Перемышль же возвратился потомъ во владѣніе Рюриковичей, и Поляки остались ни при чемъ. Ясно и то, что первыми обладателями Спиша были государи Русскіе; отъ насъ перешла эта область къ Польшѣ, а отъ послѣдней — къ Угорщинѣ.

Новѣйшіе мадьярскіе историки возбудили однако возраженіе противъ приведенныхъ свидѣтельствъ польскихъ источниковъ и утверждаютъ, что земля Спишская уже въ X в. занята была Мадьярами, основываясь при этомъ на слѣдующихъ соображеніяхъ:

1) Княжна Юдиѣи Болеславовна имѣла-де въ 1108 г. не болѣе трехъ лѣтъ, слѣдовательно, не могла еще быть обручена за угорскаго королевича.

2) Королевичъ Стефанъ (на угорскомъ престолѣ II-й) былъ-де женатъ не на Юдиѣи Болеславовнѣ, а на дочери Апульскаго короля Роберта Гвискара (по Туроцію, Бонфину и Ганзану), или по другимъ угорскимъ историкамъ (Schieer, Reginae Hung., p. 100) на Аделаидѣ, дочери ландграфа Генриха Стефнинскаго.

3) По свидѣтельству безыменнаго лѣтописца угорскаго (Anonymus Belae regis notarius), Мадьяры уже въ X-мъ в. завяли-де съ прочими

угорскими землями и Спишъ, который былъ затѣмъ управляемъ мадьярскими воеводами.

4) Изъ одной грамоты Германскаго императора Генриха IV (1056—1106) видно-де, что уже тогда граница Угорщины и Польши проходила по Татрамъ, при чемъ Спишъ долженъ-де былъ принадлежать Угорщинѣ.

5) Въ грамотѣ Угорскаго короля Генриха I отъ 1198 г. говорится, что Остригонскій архіепископъ Ювъ имѣетъ право на десятую долю королевскихъ доходовъ и въ Спишѣ, по установленію святыхъ королей Стефана I и Владислава I, слѣдовательно, гораздо раньше 1108 г.

6) Спишъ Длугоша, Богуфала и Мѣховскаго, принадлежавшій, по ихъ словамъ, къ Перемышльскому или Галицкому княжеству, былъ-де не нынѣшній, а вѣроятно какой-то другой Спишъ, въ окрестностяхъ Перемышля или даже Галича, быть можетъ—въ Покутьѣ, гдѣ, по увѣренію угорскаго писателя Корнидеса (*Vindiciae*, p. 286), дѣйствительно было селеніе Спишъ, обозначенное на одной польской картѣ XVIII вѣка.

Въ отвѣтъ на эти возраженія угорскихъ историковъ (напримѣръ, Schier, *Reginae Hung.*; Benczur, *Ungaria semper libera*; Cornides, *Vindiciae*; Hollók, *Nexus nationis hungaræ cum polonica, Cassoviae* 1831 и др.), можно представить слѣдующія соображенія:

1) Извѣстно, что дѣти государей были въ старину не только обручаемы, но и бракосочетаемы, для политическихъ цѣлей, въ самомъ раннемъ дѣтствѣ. Примѣры того встрѣчаются въ исторіи какъ угорской, такъ и польской. Такъ, въ 1211 г. четырехлѣтняя дочь Угорскаго короля Андрея II, Елисавета, была не только обручена съ малолѣтнимъ сыномъ Турингскаго ландграфа, но и отослана тотчасъ въ своему жениху съ драгоценнымъ приданымъ, подробное описаніе котораго можно найти въ житіи св. Елисаветы, составленномъ нѣкимъ Теодорикомъ. Въ слѣдующемъ 1212 г. привезена была изъ Польши въ Угрію дочь Лешка Бѣлаго Соломея, съ цѣлью приготовленія къ браку съ будущимъ Галицко-Владимирскимъ королемъ Коломаномъ Андреевичемъ (*Vindingus ad an. 1212, № 35, p. 353*).

2) Свидѣтельство угорскихъ историковъ о бракѣ Стефана II на королевнѣ апульской или дочери ландграфа Стефнинскаго не противорѣчитъ даннымъ польскихъ хронистовъ о его же обрученіи съ Юдиною Болеславовною, такъ какъ означенный король могъ овдовѣть и жениться вторично, какъ это и принимается обыкновенно истори-

ками (см., напримѣръ, Гебгарди, Allgemeine Weltgeschichte. Brünn, 1788, I, 214).

3) Относительно лѣтописи угорскаго Анонима должно вспомнить, что она писана либо при Бѣломъ III (Bela III, 1174—1196 гг.), либо при Бѣломъ IV (1235—1270 гг.), то-есть, въ такое время, когда Угорскіе короли искали поводовъ и основаній для подчиненія себѣ юго-западной Руси, вслѣдствіе чего и Анонимъ обнаруживаетъ желаніе во что бы то ни стало доказать исконную зависимость Руси отъ Угорскихъ королей. Къ тому же лѣтопись Анонима переполнена географическими и историческими анахронизмами, напримѣръ, указаніемъ на завоеваніе Мадьярами въ IX в. городовъ Владиміра и Галича, еще и не существовавшихъ въ то время (ср. Карамзина Ист. Г. Рос. I, гл. V^с ст. 83, прим.). Впрочемъ, и Анонимъ угорскій не причисляетъ Спиша къ областямъ, завоеваннымъ Мадьярами; напротивъ, разказавъ о занятіи ими Затиской области, между рр. Керешемъ (Crisius) и Задвою (Zagyva), верстъ на 300 удаленныхъ отъ Спиша, онъ прибавляетъ, что границы угорскихъ владѣній тянулись вплоть до Спшскаго лѣса: *et subjugaverunt sibi Hungari omnes habitatores terrae a Crisio usque ad fluvium Zageva et usque ad sylvam Scepus* (Аноним. Bel. reg. notarius, Cap. XXXII). Слѣдовательно, и по Анониму Спшъ не былъ завоеванъ Мадьярами. Если же лѣтопись угорскаго Анонима указываетъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ на Татры, какъ на границу между Угорщиной и Польшей (напримѣръ, въ главѣ XVIII: *missus est Borsu filius Bunger cum valida manu versus terram Polonorum, qui confinia regni conspiceret ad montem Tatur et in loco convenienti castrum construeret causa custodiae regni*; или въ главѣ LVII: *dux vero Zulta post reversionem militum suorum fixit metas regni Hungariae usque ad fluvium Morva (Morava) et eodem modo ex parte Polonorum usque ad montem Tatur, sicut primum fecerat regni metam Borsu filius Bunger*), то это чистѣйшій анахронизмъ, такъ какъ въ X-мъ столѣтіи Угорщина еще не составляла королевства (regnum), и подъ своими воеводами, не граничила ни съ Чехами, ни съ Поляками, а лишь съ государствомъ Велико-Моравскимъ, на сѣверъ отъ Остригона до Вацова на Дунаѣ, а оттуда по Матрѣ, рѣкамъ Тисѣ и Саму (Samusius, Szamos). Лишь по окончательномъ паденіи Велико-Моравскаго государства и по занятіи ея областей Чехами, стали Мадьяры въ соприкосновеніе съ послѣдними; когда же потомъ Поляки вытѣснили и Чеховъ, и Русскихъ съ южныхъ склоновъ Карпатъ, то по нимъ прошла граница государствъ Угорскаго

и Польскаго. Лишь со временъ Угорскаго короля св. Владислава I передвинулась эта граница къ Моравѣ и хребтамъ Татръ. Доказательства и подробности такого развитія угорскихъ границъ будутъ представлены впослѣдствіи. Но еслибы мы даже принимали извѣстія Анокима угорскаго за непреложную истину и считали Татры древнѣйшею границей Угорщины и Польши, то и тогда показанія древнихъ свидѣтелей о принадлежности Спиша къ Руси остаются неопровержимыми, такъ какъ Спишь лежитъ восточнѣе Татръ, начинаясь собственно тамъ, гдѣ кончаются послѣднія. Такимъ образомъ, Татры издавна составляли какъ этнографическую, такъ и государственную границу между Русью и Польшей, какъ онѣ и теперь отдѣляютъ русскій Спишь отъ польскихъ воеводствъ Освѣцимскаго и Заторскаго; но на востокѣ, со стороны земель русскихъ, Спишь не имѣетъ никакой рѣзкой физической грани: Попадъ соединяетъ его съ русскими искони областями княжества Перемышльскаго.

4) Изъ предыдущаго видно, что и грамота Германскаго императора Генриха IV (1056—1106 гг.), на которую ссылается русскій писатель Бенцуръ въ сочиненіи: *Hungaria semper libera* (р. 65), и по которой: *montes Carpatios Tatri dictos prae laudati imperatoris aevo finibus regni Hungariae fuisse circumscriptos*, ничего не говоритъ въ пользу древней принадлежности Спиша къ Угорщинѣ, такъ какъ Татры лежатъ къ западу, а не къ сѣверу отъ Спиша, слѣдовательно, отдѣляютъ его отъ Угорщины и Польши, а не отъ Руси.

5) Грамота Угорскаго короля Генриха отъ 1198 года (Fejer, *Codex diplom.*, t. II, p. 324) говоритъ не противъ, а въ пользу мнѣнія о присоединеніи Спиша къ Угорщинѣ лишь въ 1108 г. Приводимъ эту грамоту цѣликомъ, а не урывками, какъ писатели мадьярскіе: *In nomine S. Trinitatis et individuae unitatis. Emericus Dei gratia Hungariae, Dalmatiae, Croatiae, Ramaeque rex omnibus notificamus, quod quia sanctissimus rex Stephanus et beatus Ladislaus rex, Hungariae reges nostri patres et praedecessores ordinaverunt accepto apostolico mandato, ut de omnibus proventibus regalibus nunc habitis et quoque modo et nomine habendis atque ampliandis, rex Hungariae, quicumque fuerit in Deo coronatus per sedem Strigoniensem, in signum catholicae fidei, decimam solvere deberet archiepiscopo Strigoniensi, a quo fidem baptismatis et coronam receperunt. Nos eadem fide, que salvari volentes, in perpetuum statuimus, quod de omnibus proventibus regalibus archiepiscopus Strigoniensis decimam ad plenum recipere debeat, prout semper receperunt. Item de-*

cimam tributorum in terra Scipis et in Posonio ipsi domino Archiepiscopo in perpetuum pro mensa sua, sicut per SS. Reges erant donatae; item pro salute nostra et pro discordia vitanda exemplo sanctorum regum donavimus in perpetuum domum regalem in castro Strigoniensi, quae nondum fuit opere consummata, eidem Strigoniensi Archiepiscopo tamen tempore necessitatis nostrae ipse dominus Archiepiscopus. Nos in eadem recipere teneatur. Datum per manus domini Katapani episcopi Agriensis, aulae nostrae cancellarii, anno ab incarnatione Domini millesimo centesimo nonagesimo octavo. И такъ, король Генрихъ, слѣдую законамъ своихъ предшественниковъ, Стефана I и Владислава I, по которымъ (законамъ) архіепископу Остригонскому принадлежитъ десятая доля всѣхъ королевскихъ доходовъ, какъ бывшихъ при названныхъ короляхъ, такъ и приобрѣтенныхъ позже, постановилъ, чтобъ архіепископъ Остригонскій получалъ и впредь, какъ прежде, десятую часть всѣхъ королевскихъ доходовъ. Сверхъ того, король, подражая примѣрамъ предшественниковъ, дарить тому же архіепископу десятую часть доходовъ со Спишской земли и города Пожуна, на расходы архіепископскаго стола, — дарить, наконецъ, и королевскій домъ въ Остригонской крѣпости, подъ условіемъ принимать въ немъ, въ случаѣ надобности, короля. Такимъ образомъ, Спишъ ясно выдѣленъ здѣсь отъ владѣній, присоединенныхъ прежде, и съ которыхъ десятина выдавалась архіепископу издавна. Замѣчательно, что въ этой, какъ въ нѣкоторыхъ другихъ грамотахъ, Спишъ не называется комитатомъ, а землею Спишскою: очевидно, что, по случаю поздняго приобрѣтенія ея Угріей, земля эта не была еще организована на подобіе другихъ частей государства. Архіепископы Остригонскіе не получали, впрочемъ, со Спиша присужденнаго имъ королемъ Генрихомъ дохода, такъ какъ поселенные тамъ угорскими королями Саксы и другіе жители латинскаго вѣроисповѣданія (Saxones et Latini) отдавали десятину со своихъ урожаевъ мѣстнымъ духовнымъ властямъ (см. Wagner, Anal. Scerius. I, 264); коренные же русскіе жители Спиша упорно отказывались отъ платежа сборовъ въ пользу не своего, а латинскаго духовенства. Архіепископы Остригонскіе жаловались, конечно, королямъ на такіе порядки: въ 1289 году Владиславъ IV выдалъ архіепископу Владиміру подтвердительную грамоту на десятину со Спиша (см. Pгау, Specimen hierarch., p. I, p. 135); но она не могла имѣть силы на весь Спишъ, такъ какъ и Краковскіе епископы распространяли свою юрисдикцію на спишскихъ латинниковъ еще въ 1298 г. Последнее

видно изъ индульгенцій, данныхъ Подолинской церкви въ Спишѣ Іерусалимскимъ архіепископомъ армянскаго обряда Василиемъ (*frater Basilius armenorum archiepiscopus*) и другими жившими въ Римѣ епископами, подѣ условіемъ, чтобъ эти индульгенціи утверждены были мѣстнымъ епархіальнымъ епископомъ Краковскимъ, что и сдѣлано было послѣднимъ словами: *Nos Ioannes Dei gratia episcopus Cracoviensis ratas et gratas habentes praemissas indulgentias, praesentibus confirmamus nostrum sigillum apponentes* (*Bardosy, Supl. anal. Scep., p. 429 sq.*). Лишь Іакову, униатскому епископу въ Спишѣ (какъ онъ титуловалъ себя въ грамотахъ), удалось окончательно уладить дѣло о доходахъ духовенства въ Спишѣ: въ 1299 г. онъ, а не архіепископъ Остригонскій, располагалъ десятинами даже въ Подолинѣ (*Bardosy, Supl. anal. Scep., p. 432 sq.*).

6) То обстоятельство, что Богуфаль, Длугошъ и др. древніе писатели связываютъ Спишѣ съ княжествами Перемышльскимъ и Галицкимъ и съ русскою княжною Сбыславою Святополковною, не должно побуждать новыхъ историковъ къ поискамъ другаго Спиша на востокѣ, въ окрестностяхъ Галича: въ послѣднемъ случаѣ трудно бы королямъ Угорскому и Польскому устроить свой сѣздъ въ томъ же Спишѣ, который данъ былъ Болеславомъ Польскимъ въ пожизненное приданое своей дочери. Да и могъ ли Болеславъ давать приданое въ такихъ частяхъ Руси, гдѣ въ 1108 г. Польскіе государи еще не имѣли никакихъ владѣній? Если же въ ближайшихъ окрестностяхъ Галича или Перемышля дѣйствительно находилось или находится селеніе Спишѣ, то это могло бы служить лишь новымъ подтвержденіемъ исконнаго заселенія Спиша Русскимъ народомъ, въ чемъ вообще нельзя сомнѣваться.

Впрочемъ, сѣверныя границы Спиша и послѣ 1108 года, то-есть, послѣ включенія его въ Угорщину, были долгое время столь шатки, что, рядомъ съ государами Угорскими, тамъ распоряжались и владѣтели Краковско-Судомирскіе. Такъ въ 1244 г. Краковскій и Судомирскій князь Болеславъ пожаловалъ нѣкому Генриху солтыство (*scultetiam*) въ спишскомъ селеніи Подолинѣ (*Bardosy, Supl. anal. Scep., p. 311 sq.*); вдова того же князя, Кунигунда, въ 1280 г. подарила Подолинѣ, вмѣстѣ съ другими селеніями Судецкой земли, монахинямъ Клариссамъ (*Sanctimonialibus ordinis S. Clarae in civitate Sandec. Bardosy Supl. anal. Scep., 157 sq.*); та же княгиня Кунигунда въ 1288 и 1289 гг. подарила своему подолинскому солтысу (*sculteto*) лѣсъ, лежащій въ землѣ Спишской, между Подолинцомъ и Гнѣздой.

(Bardosy, Supl. anal. Scer., 285, 305). Въ 1292 г. Краковско-Судомирскій князь Вячеславъ (Venceslaus rex Bohemiae, dux Cracoviae ac Sandomiriae, marchioque Moraviae) распорядился спишскими селеніями Любовня, Гнѣзда и Подолинецъ, изъ коихъ послѣднее велѣлъ даже укрѣпить (Bardosy, Supl. anal. Scer. 350). Еще въ 1298 г. спишскіе латинники причисляемы были къ епархіи Краковской, какъ это видно изъ вышеуказанныхъ индульгенцій архіепископа Василя; но доходами съ подвластныхъ еще Краковскому епископу селеній въ 1299 г. свободно располагалъ уже униатскій епископъ Спиша Іаковъ. Всѣ эти аномаліи, происходившія, конечно, отъ отсутствія естественныхъ границъ между Спишемъ и прочими частями Перемышльской Руси, подтверждаютъ сохраненный польскими хронистами фактъ, что Спизъ поступилъ во владѣніе Мадьяръ не ранѣе 1108 г. Это доказывается и полнѣйшимъ отсутствіемъ грамотъ, выданныхъ Угорскими государями или другими властями духовными и свѣтскими, по отношенію къ Спишу: но крайней мѣрѣ Вагнеръ и Бардоній, собравъ въ своихъ изданіяхъ (*Analecta Scerusii* и *Supplementa analectorum Scerusii*) множество грамотъ и другихъ историческихъ памятниковъ, хотя бы лишь косвенно относящихся къ Спишу, не въ состояніи были найти въ угорскихъ архивахъ ни одного подобнаго памятника раньше 1209 г. Между тѣмъ, для другихъ частей Угорщины, занятыхъ Мадьярами въ X или даже XI в., есть много грамотъ не только знаменитыхъ организаторовъ Угорщины, св. Стефана и св. Владислава, но и другихъ духовныхъ и гражданскихъ властей. Когда третій организаторъ Угорщины Бѣлый IV (Bela IV) далъ въ 1243 г. спишскимъ дворянамъ (*nobiles de Scerus, lanceolati*), населявшимъ десять привилегированныхъ русскими князьями селеній, грамоту, подтверждавшую старинныя льготы этихъ дворянъ (*eandem, quam ab antiquo habuerunt conservare volentes libertatem*), то Угорскій король не сдѣлалъ при этомъ ни малѣйшаго намека на своихъ предшественниковъ: опущеніе тѣмъ болѣе странное, что въ угорскихъ грамотахъ поддерживалась тенденція всѣ прежнія возводить ко временамъ старымъ, особенно къ святымъ королямъ Стефану I и Владиславу I (ср. Bardosy, Supl. anal. Scer. 34 sq.).

И такъ, новые историки мадьярскіе, оспаривающіе показанія древнихъ хронистовъ о томъ, что Спизъ достался Польшѣ отъ Руси, какъ приданое Сбыславы Святополковны, и что онъ не ранѣе 1108 г. переданъ Болеславомъ Польскимъ Уграмъ, въ видѣ приданого за

дочерью Сбыславы Юдиной, не имѣютъ на своей сторонѣ не то что правды, а даже правдоподобія.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію способа перехода Спиша отъ Поляковъ къ Угорщинѣ. Всѣ польскіе историки согласны въ томъ, что Спишъ лишь пожизненно данъ былъ въ приданое дочери князя Болеслава Юдиной (*quod viveret; in dotem datum, in dotem consignat, pro dote assignavit* и т. п.); если же остался во владѣніи угорскомъ и послѣ смерти Юдиной, то это произошло, по словамъ Богуфала, слѣдующимъ образомъ: *Boleslaus, prout erat credulus, per regem Hungariae dolose circumventus, castellaniam de Spisz Hungariae incorporandam tradidit, et loco ejusdem castellaniam Premislensem nomine dotalitii filiae suae recepit... Et sic castellania de Spisz a Polonis alienata per Hungaros usque ad praesens fraudulenter detenta occupatur.* Этого историческаго факта, отмѣченнаго Богуфаломъ, не оспариваетъ ни одинъ серьезный историкъ, кромѣ нѣкоторыхъ новѣйшихъ угорскихъ писателей, ложныя основанія которыхъ выяснены уже выше. Если можетъ что-нибудь возбуждать еще сомнѣнія въ этомъ вопросѣ, такъ это имя угорскаго королевича, женатаго на княжнѣ Юдиной (см. Gebhardy, *Allgem. Weltgeschichte* XLIV, p. 206); но это мало имѣетъ для насъ значенія, хотя по всему видно, что мужемъ Юдиной былъ королевичъ, а потомъ король Угорскій Стефанъ II. Во всякомъ случаѣ, никто изъ угорскихъ историковъ не указалъ лучшаго повода для перехода Спиша изъ владѣнія польскаго въ угорское.

Послѣ смерти Сбыславы Святополковны, послѣдовавшей вслѣдъ за соглашеніемъ Поляковъ съ Уграми касательно Спиша, прекратились дружественныя отношенія, господствовавшія дотолѣ между государствами Русскимъ и Польскимъ (ср. *Vita S. Ottonis* L. II, c. 4; Dlugos, p. 374). Главною причиною тому было стараніе Перемышльскаго князя Володаря Ростиславича возвратить занятія Поляками въ приданое за Сбыславою западныя части его княжества, а въ томъ числѣ и угорскій уже тогда Спишъ (ср. Gebhardy, XLIV, p. 207; Карамзинъ, *Ист. Г. Росс.* т. II, гл. VII, стр. 93). Но и отношенія Угровъ въ Руси были очень натянуты уже при Коломанѣ, который, желая подчинить себѣ юго-западную Русь, потерпѣлъ въ 1097 году сильное пораженіе подъ Перемышлемъ (Несторъ, стр. 155 сл.; Карамзинъ, т. II, гл. VI, стр. 77); разведясь съ русскою княжной Евеміей, Коломанъ намѣренъ былъ въ началѣ 1114 г. предпринять второй походъ на Русь (Gebhardy, LI, 208), но смерть 3-го февраля

1114 г. (Schier, Reg. Hung., p. 90) пресѣкла его планы. На смертномъ одрѣ онъ заклиналъ однако своего наслѣнника Стефана II загладить неудачи отца завоеваніемъ юго-западной Руси (Chron. Tugoszy, cap. LXIII; Pray, Reg. Hung. p. 120; Карамзинъ, Ист. Г. Росс. т. II, гл. VII, стр. 93). Только возникшая вслѣдъ затѣмъ война Угрии съ Венеціей помѣшала Стефану II немедленно исполнить завѣщаніе отца (Gebhardy, LI, 208), а вѣроятно, и желанія его тестя, Польскаго государя Болеслава Кривоустаго. Изъ всего этого ясно, что союзъ, заключенный въ 1108 г. между государями Польскимъ и Угорскимъ (*communes amicos, communes hostes sibi fore promittunt*), скоро принялъ характеръ наступательнаго союза противъ юго-западной Руси. Имѣлось въ виду Галичъ и Владимиръ со смежными областями подчинить королю Угорскому, а остальные части обширнаго Перемышльскаго княжества предоставить Болеславу Польскому, какъ бы въ замѣну за отошедшій въ Угрии Спишъ. Эти именно соображенія имѣлъ въ виду Богуфаль, когда писалъ: *Castellaniam de Spisz Hungariae incorporanda tradidit, et loco ejusdem castellaniam Peremislensem nomine dotalitii filiae suae recepit*. Для достиженія своей цѣли Болеславъ съ 1117 г. сталъ подстрекать свойственника своего, Владимирскаго князя Ярослава Святополковича противъ великаго князя Владиміра Мономаха, такъ что послѣдній принужденъ былъ прибѣгнуть къ мѣрамъ, заставившимъ Ярослава бѣжать въ Польшу (ср. Gebhardy, LXX, 306, 307, 308; Карамзинъ, II, гл. VII, стр. 92). Володаръ Ростиславичъ, ужасъ и бичъ Ляховъ (Карамзинъ, II, гл. VII, с. 93), былъ въ то же время захваченъ ими хитростію (ср. Kadlubko, Lips., p. 720, 721) и выпущенъ на свободу лишь за громадный выкупъ, съ клятвеннымъ обѣщаніемъ не только не нападать на польскія владѣнія, но и помогать Болеславу въ предстоящемъ походѣ на Русь (Gebhardy, LXX, p. 310, 311; Карамз., II, гл. VII, с. 93, 94). Узнавъ о планахъ Польскаго и Угорскаго королей, Владимиръ Мономахъ рѣшился предупредить ихъ соединеніе и послалъ своего сына Романа, а послѣ скорой его смерти другаго сына Андрея во Владимиръ, съ порученіемъ перенести оттуда войну въ польскія владѣнія, чтобъ удержать Болеслава отъ вторженія въ Русь. Андрей дѣйствительно раззорилъ сосѣднія польскія области, но вскорѣ принужденъ былъ возвратиться во Владимиръ, въ виду того, что Ярославъ съ Поляками осаждалъ уже г. Червень (Карамзинъ, II, гл. VII, с. 92, 93). Вскорѣ прибылъ и Угорскій король Стефанъ II съ войсками угорскими и вспомогательнымъ отрядомъ чешскимъ. Перемышль занятъ былъ

Болеславомъ Польскимъ, конечно, по соглашенію съ Стефаномъ II и въ видѣ вознагражденія за отошедшій къ Угрии Спизъ. Союзныя войска двинулись далѣе въ Русскую землю, и занявъ мелкія укрѣпленія, приблизились ко Владимиру, который былъ послѣднимъ оплотомъ Руси Галицкой и Владимирской. По завоеваніи послѣдней предполагалось поставить въ ней подручника Угорскихъ королей—Ярослава Святополковича; но неожиданная смерть послѣдняго разстроила планы союзниковъ. Дружина Стефана II, замѣтивъ въ немъ желаніе принять въ свои руки управленіе юго-западною Русью, такъ испугалась этой мысли, что отказала въ повиновеніи своему королю и грозила даже избраніемъ другаго, въ случаѣ его отказа возвратиться домой (Turoczy Chron., cap. LXIII; Pray, Reg. Hung., p. 120): Domine, quid et quod facis? si cum multa morte militum tuorum castrum capis, quem ducem constitues? Si inter principes Tuos eligis nullus remanet. Num quid vos vultis regno relicto habere ducatum? nos barones castrum non oppugnabimus; si oppugnare vis, solus pugna; nos autem in Hungariam recedemus et nobis regem eligemus. Изъ этихъ словъ видно, что угорскимъ войскомъ предводительствовалъ самъ король, что въ князѣ Ярославѣ оно привыкло видѣть будущаго галицко-владимирскаго намѣстника своего короля, что по смерти Ярослава никто изъ бояръ угорскихъ не желалъ занять его мѣсто, что вслѣдствіе того король замышлялъ лично заняться управленіемъ забраннаго края, что и вызвало ропотъ и даже угрозы войска. Храбрость осажденныхъ, очевидно, напугала Мадьяръ. Къ тому же при дѣлежѣ добычи могли произойти несогласія, которыя и побудили Угорскаго короля заключить отдѣльный миръ съ Русью, безъ заботы объ интересахъ польскаго союзника. Не удивительно, что Поляки должны были отказаться вслѣдъ затѣмъ отъ Перемышльскаго княжества, за исключеніемъ, быть можетъ, лишь незначительныхъ западныхъ его частей; Спизъ же прочно утвердился съ тѣхъ поръ во владѣніи королей Угорскихъ. Поляки оказались при этомъ въ убыткѣ, что и могло возбудить въ нихъ тѣ неудовольствія противъ Угровъ, о которыхъ упоминаютъ историки польскіе, угорскіе и иностранные.

Теперь намъ остается привести еще историческія доказательства того, что Спизская земля искони принадлежала Руси, хотя Длугошъ и относитъ часть Спиза къ землѣ Краковской, то-есть, польской.

Изъ словъ Длугоша: provinciam scepusiensem, quae tunc juris Polonorum fuerat, et pars ejus non modica in terra cracoviensi con-

stitebat, можно вывести, что онъ считалъ вообще Спишъ лишь временнымъ (tunc) владѣніемъ польскимъ, но нѣкоторую его часть причислялъ къ землѣ Краковской, Старопольской. Утверждая послѣднее, Длугошъ не ссылается ни на какой древнѣйшій источникъ. Можно предполагать, что онъ имѣлъ при этомъ въ виду небольшой сѣверо-западный уголь Спиша, извѣстный подъ именемъ Магуры, гдѣ теперь употребляется нарѣчіе русско-польское или горальское, и гдѣ всѣ церкви латинскія, за исключеніемъ большаго русскаго села Остурня; можно предполагать, что край этотъ уже во времена Длугоша былъ столь ополяченъ и окатоличенъ, что польскій историкъ могъ признать его искони польскою, а не русскою землей. Но успѣхъ ополяченія не можетъ самъ по себѣ служить достаточнымъ основаніемъ для подобнаго утвержденія, которое противорѣчитъ показаніямъ всѣхъ другихъ древне-польскихъ источниковъ и основаннымъ на нихъ мнѣніямъ угорскихъ историковъ Бенцура, Корнидеса, Голлока и др. Особенно важно въ этомъ вопросѣ свидѣтельство Богуфала, который обстоятельнѣе другихъ зналъ и изложилъ событія изъ исторіи Спишской земли; онъ же ни слова не говоритъ о принадлежности какой-нибудь части Спиша къ Польшѣ, а напротивъ, доказываетъ, какъ словами „de ruthena genitam“, такъ и всѣмъ контекстомъ рѣчи, принадлежность Спиша къ Руси. Это свидѣтельство Богуфала и всѣхъ другихъ древнихъ писателей, за исключеніемъ Длугоша, принимается почти всѣми новыми изслѣдователями (ср. Gebhardy, Allg. Weltgesch. II, 202); оно подтверждается и другими данными—географическими, этнографическими и церковно-административными, а равно грамотами Угорскихъ королей.

Одного взгляда на географическую карту западной Галичины и сѣверной Угорщины достаточно для убѣжденія, что Спишъ не могъ въ старину принадлежать къ воеводствамъ Освѣцимскому и Заторскому, отъ которыхъ онъ отдѣленъ непроходимыми хребтами Татръ. Своими рѣчными жилами онъ находился въ естественномъ соединеніи съ лежащими на сѣверѣ землями Перемышльскаго княжества, именно съ землей Судецкою (Сандецкою), которой принадлежность къ Руси доказана уже выше. Не лишено значенія и то обстоятельство, что даже послѣ 1108 г. части Спиша находились въ распоряженіи государей краковскихъ и судомирскихъ, благодаря, конечно, тѣсной географической связи Спиша съ областями перемышльскими. Этимъ же объясняются и безконечные, до нынѣ не поконченные споры Мадыаръ съ Поляками за земли Спишскую и Судецкую, то-есть, западныя части

Перемышльскаго княжества. Эти споры начались вслѣдъ за занятіемъ Спиша Уграми. Серьезный характеръ приняли они особенно съ XIV в., когда Польша, присоединивъ къ себѣ юго-западную Русь, пожелала упрочить свои владѣнія естественными границами, которыхъ она не находила между Русью и Спишемъ. Польскіе государи постоянно стремились къ занятію Спиша, тогда какъ короли Угорскіе на оборотъ желали округлить его на сѣверѣ присоединеніемъ къ Угрии земли Судецкой. Послѣ продолжительныхъ споровъ, заключенъ наконецъ былъ 15-го марта 1412 г. въ спишскомъ городкѣ Любовнѣ миръ между Сигизмундомъ Угорскимъ и Владиславомъ Польскимъ, по которому взаимныя ихъ границы въ Червонной Руси признаны въ *status quo*, по крайней мѣрѣ на время жизни обоихъ государей (*in quieta utriusque regni possessione maneant, lis autem non nisi post elapsam ab obitu utriusque regis lustrum suscitari voleat*); за то Молдавскую землю, въ случаѣ враждебныхъ дѣйствій ея владѣтеля, предположено было раздѣлить между Польшей и Угорщиной (Wagner, Anal. Scepus. I, 7 sq.). Но такъ какъ король Сигизмундъ сильно нуждался тогда въ деньгахъ, то по новому договору 8-го ноября того же (1412) года онъ уступилъ за 37,000 пражскихъ грошей Польшѣ весь Спишъ, съ вѣрѣ-постцами Любовня и Подолинецъ и всѣми принадлежащими къ нимъ селеніями; но въ этому присоединено условіе, что Спишъ можетъ быть выкупленъ Угорскими королями изъ залога за сумму, равную вышеуказанному долгу (Wagner, Anal. Scepus. I, 212). Вскорѣ затѣмъ, именно въ 1434 г., Угры пожелали воспользоваться этимъ правомъ выкупа своего залога, но Поляки энергически воспротивились тому. Напрасно Угры думали возвратить себѣ Спишъ избраніемъ 8-го марта 1440 г. Польскаго короля Владислава на свой престолъ: хотя Владиславъ и обязался при этомъ случаѣ въ торжественной грамотѣ уладить вѣковые споры Поляковъ съ Уграми изъ-за Червонной Руси, Подолья и Молдавіи, а Спишъ возвратить Угорщинѣ (*Castrum Lublio in terra Scepusiensi cum omnibus civitatibus, oppidis, villis, quae titulo pignoris usque ad praesens tempus ratione regni nostri Poloniae pacifice possedimus et tenuimus atque tenemus, promittimus et pollicemur de nostra mera liberalitate statim postquam celebritas coronationis praemissae feliciter facta fuerit et consummata reintegrare et libere restituere regno Hungariae absque quavis pecuniarum praedictarum, in quibus pignori obligata fuerunt, exactione, litterasque quascunque superinde confectas mox post dictam coronationem restituemus etc.* См. A Szepusegi XIV városok pragmatikai története. Lőczén 1842, p.

87; Palma, *Explic. juris in Russiam Minorem* p. 18; Katona, *Hist. critica*, t. XIII, p. 23); но польскіе паны помѣшали выполнению этого условія. Впослѣдствіи споры Угровъ съ Поляками изъ-за Червонной Руси, особенно Спиша, возбудили такое раздраженіе между двумя народностями, что при Угорскомъ королѣ Матвѣѣ Корвинѣ изданъ былъ даже, въ 1486 г., законъ, запрещающій приемъ Поляковъ, подобно какъ Венеціанцевъ, въ индигенатъ угорскій (Art. 32 de 1486: *Item quia Poloni omni arte omnique via et technis conati sunt et semper conantur ad terras et dominia ad S. coronam pertinentia pedem interre et illa usurpare, prout etiam aliquam partem de facto usurpant. Proinde statutum ac sancitum est sub nota perpetuae infidelitatis, ut nemo regnicolarum audeat illis aut eorum alicui castra portulitia, civitates, oppida, possessiones aut alia bona immobilia vendere, inscribere, impignorare commendare, donare vel aliter qualitercunque dare vel assignare*). Есть и другіе угорскіе законы, дышущіе ненавистью къ Полякамъ изъ-за дѣлежа юго-западной Руси. Такъ, ст. 11 опредѣленій 1751, ст. 15 отъ 1765 г. требовали возвращенія Угрии Спиша; но все это не имѣло послѣдствій до тѣхъ поръ, пока министръ Маріи-Терезіи Кауницъ не составилъ плана раздѣла частей Польши между тремя сосѣдними государствами: въ 1772 г. Австрія силою заняла Спишъ и объявила его собственностью угорской короны, при чемъ и 37,000 пражскихъ грошей (до 800,000 гульденовъ) не были возвращены Польшѣ, какъ достаточно покрытые многовѣковымъ обладаніемъ Спиша Поляками (Fessler, t. X, p. 180; Lassá István Lengyel ország stat., pag. 75). Но этимъ не окончились споры Поляковъ съ Уграми изъ-за Руси: въ 1794 г. они вспыхнули снова въ средѣ депутатовъ, высланныхъ обѣими сторонами для опредѣленія границъ между угорскими и польскими владѣніями Австрійскаго дома: Галичане настаивали на принадлежности имъ Спиша, Угры же требовали для себя земли судецкой, какъ принадлежавшей нѣкогда Угорщинѣ и организованной при Людовикѣ I Великомъ подъ названіемъ *comitatus Ovariensis* (ср. Bardsy, *Supl. anal. terrae Scopus*. p. 89, nota 46: *Boleslaus denique III terram Scopusiensem ac Premislensem ipsamque Galiciam invalvere quaesivit*; сюда относятся и граматы у Бардошіа на стр. 5, 11, 16, 54, 58, 59, 67, 157, 161, 268). Всѣ эти споры, оконченные лишь въ пятидесятыхъ годахъ XIX вѣка, возникли вслѣдствіе общихъ притязаній какъ Поляковъ, такъ и Угровъ, на юго-западную Русь, притязаній, которыя объясняются главнѣйше отсутствіемъ естественныхъ границъ между Спишемъ и Церемышльскою

землей, а слѣдовательно, и географическою принадлежностью Спиша къ Руси.

Въ томъ же убѣждаютъ насъ и этнографическія данныя и соображенія. Разсматривая древнія грамоты, относящіяся въ Спишу, мы часто наталкиваемся на русскія названія лицъ, селеній, горъ, лѣсовъ и т. п. Такъ, въ грамотахъ, собранныхъ Бардошіемъ (Supl. anal. Scepus.), мы встрѣчаемъ имена: Merozlai (стр. 253), Ivan et Dan (с. 259), Ivanus iudex (с. 262), Detbor (с. 298), Andreas filius Polyap (с. 339). Въ числѣ дворянскихъ родовъ Спиша упоминается Гервордъ, Гербордъ, Гербуртъ, быть можетъ, предокъ того Гербурта Добромильскаго, который въ письмѣ къ папѣ Павлу V отъ 1616 г. въ такихъ словахъ выражался о Руси: *Russi gens mea est, Russia patria nobis communis... Regnum Russiae maximum sex palatinatibus constans, qui non provinciis sed regnis aequiparari possunt. Vicinae nobis sunt gentes Hungariae, Moesicae, Bulgaricae, Graecae, Moschicae innumerae, omnes ejusdem fidei, omnes ad bella notae etc.* (Harasiewicz, *Annal. eccles. ruthenae*, p. 252).

Когда въ древнихъ спишскихъ грамотахъ упоминаются Нѣмцы и латиняне, то они всегда называются при этомъ иностранцами, *hospites*; такъ, въ грамотѣ короля Стефана 1271 г. читаемъ: *libertate fidelium nostrorum hospitem Saxonum de Scepus* (A nepességi XVI^s városok pragm. története, p. 47); въ грамотѣ Карла Роберта 1317 г. *quod hospites et Saxones nostri dilecti et fideles de Scepus* (ibid. 51); въ грамотѣ Бѣлы 1243 г. при упоминаніи его брата Коломана, владѣвшаго пожизненно Спишемъ: *hospitibus nostris in villa Olassi, ... juxta consuetudinem aliorum hospitem* (ibid., 61); въ грамотѣ Людовика I 1374 г.: *fidelis de S. Ladislao* (городокъ Четвергъ, нѣм. Donnerstmark) *de comitatu Scepusiensi in sua et universorum civium et hospitem nostrorum de eadem personis* (ibid., p. 64); въ грамотѣ Сигизмунда 1433 г.: *hospitibus ac toti communitati civitatum terrae nostrae Scepus* (ibid., p. 83).

Встрѣчаются изрѣдка въ древнихъ спишскихъ грамотахъ упоминанія и Словаковъ; но и они именуются иностранцами, *hospites*: такъ въ грамотѣ, данной Словакамъ деревни Томаши въ 1278, они названы *hospites slavi* (Biderman, *Ungar. Ruthenen*, II, 80); то же названіе прилагается къ нимъ и въ грамотѣ Бѣлы IV 1258 г., касающейся спишской территоріи Надость: *quod cum terram Nadosth in Scepes hospitibus Slavis dederimus, ut nobis de eadam censum solvant* (Bardosy, *supl. anal. Scepus*, p. 91). Горсть Мадьяръ, обитавшихъ

нѣкогда въ Спишѣ, также упоминается въ числѣ иностранныхъ поселенцевъ въ грамотѣ 1280, касающейся доходовъ духовенства: Hungari, Saxones, Slavi, Latini (Fejer, Codex diplom. V, 3, 41). Что касается Поляковъ, то ихъ не было въ Спишѣ, кромѣ сѣверо-западнаго угла Магуры и городковъ Любовня и Подолинецъ, при чемъ жители двухъ послѣднихъ колонизованы изъ Нѣмцевъ не ранѣе XVII в. (Biderman, Ung. Ruthenen, I, 10).

И такъ, кореннымъ населеніемъ Спиша были Русскіе: они и теперь этимъ именемъ зовутъ свою народность и славянскую церковь, не смотря на вѣковой гнетъ Мадьяръ и Поляковъ, осыпавшихъ льготами спишскихъ Нѣмцевъ, Словаковъ и латинниковъ на счетъ подавленныхъ русскихъ автохтоновъ Спиша. Лишь въ ближайшемъ сосѣдствѣ латинскихъ монастырей, основанныхъ Мадьярами и Поляками, совращены были русскіе Спишаки въ римскую церковь, а съ тѣмъ вмѣстѣ пострадалъ и ихъ языкъ; по внушенію латинскихъ ксендзовъ, эти олатоличенные Спишаки стали называть себя съ конца XVIII вѣка Словаками, хотя ихъ говоръ рѣзко обличаетъ ихъ русское, а не словенское происхожденіе: даже слово Словакъ не умѣютъ они выговорить правильно по славянски, съ протяженіемъ втораго слога, какъ на примѣръ, говорятъ ихъ липтовскіе сосѣди, а зовутъ себя Словаками. Еще менѣе могутъ они выговорить: треть, прши и т. п.; вмѣсто словенскихъ же смрєкъ, смрєчна Спишаки говорятъ: смєрєкъ, смєрєчна. Они помнятъ, что они не коренные Липтаки (то-есть, Словаки), и что дѣды ихъ лишь въ недавнее сравнительно время перешли изъ русской вѣры въ латинскую. Вообще спишское нарѣчіе по слогаударенію своему не имѣетъ ничего общаго съ говорами словенскими; напротивъ, оно не отлично почти отъ просодіи Угорскихъ и Галицкихъ Русскихъ, именно западныхъ Лемковъ. То же самое отличіе отъ Словаковъ и сходство съ Русью замѣчается въ одеждѣ, постройкахъ, занятіяхъ и самомъ тѣлосложеніи Спишаковъ, такъ что въ ихъ русскомъ происхожденіи нельзя бы сомнѣваться и въ такомъ случаѣ, еслибъ они всѣ олатинились: между тѣмъ до 30,000 душъ и теперь еще сохраняютъ въ Спишѣ свой русскій языкъ, русскую церковь и русское имя (ср. Schematismus cleri dioecesis eperjesiensis).

Такимъ образомъ, въ географіи и этнографіи Спиша мы находимъ подтвержденіе историческихъ свидѣтельствъ о древней принадлежности Спиша къ Русской землѣ; то же доказываютъ и церковно-административныя ея отношенія.

Принадлежность кореннаго населенія Спиша къ восточной церкви

явствуеть изъ приведенной выше грамоты 1280 г. (Fejer, Cod. dipl. V, 3, 41), по которой лишь иностранные поселенцы (hospites) Спиша (Мадьяры, Нѣмцы, Словаки, Латиняне) вступили въ добровольную сдѣлку съ латинскимъ духовенствомъ относительно платежа ему десятины; но въ томъ же году встрѣчаемъ и нѣкоторыхъ русскихъ жителей Спиша подчиненными Остригонскому архіепископу и латинскимъ священникамъ, то-есть, совращенными въ унию, при чемъ обряды восточной церкви и даже причащеніе подъ двумя видами были строго сохраняемы. Между этими спишскими униатами (преимущественно изъ среды *nobiles lanceati*) и латинниками возгорѣлась потомъ такая вражда, что первымъ запрещено было строить свои церкви и содержать особыхъ священниковъ, послѣ чего эти униаты перестали крестить своихъ дѣтей, причащаться предъ смертью и принимать елеосвященіе, какъ это видно изъ грамоты архіепископа Владиміра отъ 1280 года: *et ex praedictis nobilibus propter inhabentiam sacerdotis eorundem sine confessione ac sine communicatione corporis et sanguinis D. N. Jesu Christi nec non sacra unctione semel, medius et tertius homines essent expirati, atque infantes baptismatione carentes emigraverunt et per cives praedictae civitatis multas blasphemias ad ecclesiam procedentes passi fuissent* (Wagner, Anal. Scerpus., I, 111). Ссоры дошли до взаимныхъ проклятій, даже дракъ возлѣ латинской церкви въ городкѣ Четвергъ (мадьяр. Csütörtök, нѣм. Donnerstmark лат. *opridum S. Ladislai*), которая, по моему личному изслѣдованію, построена была въ два яруса: для Русскихъ подъ землей и для Нѣмцевъ надъ землей. Для примиренія враждовавшихъ явился въ Спишъ самъ Остригонскій архіепископъ Владиміръ, происходившій, кажется, изъ русскихъ бояръ или даже князей; въ видѣ особенной милости онъ дозволилъ униатскимъ дворянамъ построить особую, хотя лишь приписную, церковь и имѣть своего священника, какъ это видно изъ грамоты, изданной этимъ архіепископомъ въ 1280 г. (Wagner, Anal. Scerpusii, I, 111). Но установленный имъ въ Спишѣ миръ не былъ продолжителенъ: въ 1286 г. русскіе жители Спиша, соединившись съ Болгарами и Бунами (вѣроятно, съ Румунами и Половцами, составлявшими значительную часть войскъ короля Владислава IV), а равно съ другими православными, произвели опустошительное нападеніе на владѣнія латинскаго духовенства, особенно Спишскаго монастыря (*capitulum Scerusiense*): въ церкви этого монастыря размѣщены были лошади возставшихъ; монастырскія грамоты были уничтожены, даже печать отобрана. Король Владиславъ IV, находившійся

тогда въ Спишскомъ замкѣ, былъ свидѣтелемъ всѣхъ этихъ опустошеній, но не препятствовалъ имъ по враждѣ съ папами и сочувствію къ православію: *Cum rex Ladislaus piae recordationis terram Scepus intrasset et in suburbio castris de eadem descensum habuisset, timore Dei postposito gens Bulgarorum, Cumanorum et aliorum schismaticorum ecclesiam beati Martini invadentes et eandem ac sacristiam concellarent et cum equis conculcassent, et etiam quam plurimorum nobilium instrumenta litteralia simili modo condemnata extitissent, in grande praejudicium ejusdem ecclesiae s. Martini et gravamen* (ср. Wagner, Anal. Scepus., III, 14). Достоверность этого происшествія подтверждается и заявленіемъ Спишскаго монастыря объ изготовленіи новой печати, которою рѣшено помѣтить всѣ изданныя прежде монастыремъ грамоты (Bardosy, Suppl. anal. Scepus., 259); о томъ же свидѣтельствуется, кажется, и заявленіе спишскаго города Левочи объ уничтоженіи Татарами (вѣроятно, Куманами), Русскими и другими враждебными народами древнихъ грамотъ этого города, что могло случиться при вышеупомянутомъ возстаніи спишскихъ православныхъ или другомъ подобномъ (см. Bardosy, Suppl. Anal. Scepus., p. 400); то же подтверждаетъ и грамота Угорскаго короля Андрея III отъ 1290 г.: *quod tempore domini Ladislai regis patruelis fratris nostri ipsa ecclesia B. Martini per insultas Cumanorum et neugerorum miserabiliter extitisset spoliata et camera ejusdem ecclesiae confracta ac omnia bona praedictae ecclesiae fuissent ablata et instrumenta ac privilegia super possessionibus ecclesiae suae confecta enormiter pedibus equorum contrita etc.* (Wagner, Anal. Scepus. I, 303).

Православное население земли Спишской со времени крещенія своего при Владимірѣ Святѣмъ всегда принадлежало къ митрополіи Кіевской, именно къ епархіи Самборско-Перемышльской: объ этомъ свидѣлствуютъ древнее народное преданіе и древніе антиминсы уцѣлѣвшихъ въ Спишѣ русскихъ церквей, освященные почти исключительно Самборско-Перемышльскими епископами или даже Кіевскими митрополитами; то же доказываетъ и вышеупомянутый доклад папѣ въ XVII в. о положеніи уніатскаго дѣла въ присоединенныхъ къ Польшѣ, Литвѣ и Угорщинѣ частяхъ Руси (*nam etiam Hungariae nonnullae et Scepusiensis capitaneatus non procul Cracovia civitate ad eum, то-есть episcopatum Premislensem pertinet.* Harasiewicz, Annal. eccl. Ruthenae, p. 303). Между тѣмъ извѣстно, что власть русской іерархіи не распространялась за предѣлами Русскаго государства, такъ какъ это вызвало бы большое сопротивленіе и сосѣднихъ епископовъ,

и Цареградскаго патріарха, всегда наблюдавшаго за неприкосновенностію епархіальныхъ границъ. Это служитъ новымъ подтвержденіемъ историческаго факта принадлежности древняго Спиша въ Руси не только въ народномъ, но и въ государственномъ смыслѣ.

Остается теперь доказать, что и Угорскіе короли смотрѣли на Спишь, какъ на землю искони русскую. Подтвержденіе тому находимъ въ ихъ трактатахъ съ Польскими королями касательно юго-западной Руси: Спишь обыкновенно причисляемъ былъ при этомъ къ княжеству или королевству (подъ управленіемъ короля Коломана) Галицко-Владимирскому, что подало даже, какъ мы видѣли, историкамъ угорскимъ поводъ искать Спиша не подъ Татрами, а на востокъ, въ окрестностяхъ Галича. Въ договорѣ Сигизмунда Угорскаго съ Владиславомъ Польскимъ 1412 г., касательно юго-западной Руси, говорится очень обстоятельно и о Спишѣ; тоже находимъ и въ условіяхъ избранія въ Угорскіе короли Владислава Ягеллона въ 1440 г. На правахъ угорской короны на Русь основывала и Марія-Терезія свои притязанія на Спишь, когда присоединила его въ 1772 г. къ Угорщинѣ: потому-то и первыми губернаторами Австріи въ Галичинѣ были Угры—гр. Гадикъ и Юрменій (Ürményi).

Важенъ въ исторіи Спиша тотъ эпизодъ, когда Коломанъ, сынъ Угорскаго короля Андрея II, принялъ титулъ короля Галицко-Владимирскаго; по изгнаніи изъ Галича, онъ удержалъ титулъ Русскаго короля, а съ нимъ и владѣніе въ Спишѣ, какъ это явствуетъ изъ вышеупомянутой грамоты Бѣлаго IV отъ 1243 г. (A Szepesegi XVI. városok pragmaticai története, 61), затѣмъ изъ его же грамоты отъ 1269 г., гдѣ подтверждаются влады спишскому цистерцианскому монастырю *de consensu fratris nostri Colomanni regis* (Wagner, Anal. Scepus. I, 391), и, наконецъ изъ грамоты Угорской королевы Елисаветы 1279 г., гдѣ прямо говорится, что Спишь принадлежалъ до смерти Русскому королю Коломану (*Colomanni regis inclytæ recordationis, qui dum adhuc viveret, terram Scepus possederat usque ad vitam suam.* (Wagner, Anal. Scepus. I, 299).

Въ нѣкоторыхъ грамотахъ Угорскихъ королей Спишь причисляется къ частямъ Угорской Руси (*Russia hungarica*); дорога же черезъ Спишь ведетъ, по словамъ грамоты, въ направленіи къ Угорщинѣ, въ составъ которой, слѣдовательно, онъ не входилъ непосредственно; такъ въ грамотѣ Бѣлы IV отъ 1243 г., пожалованной нѣкому Герворду, мы читаемъ: *vice quondam in Russia, quae vocatur hungarica, nobis nostrisque baronibus in expeditione praesentibus laudabiliter di-*

micavit... dahinc et super fluvium Donec (то-есть Дунаецъ на границѣ Спиша) *perstitit in conflictu* (Bardosy, Supl. anal. Scer. 150 p.); въ жалованной же грамотѣ Угорскаго короля Андрея III отъ 1297 г., данной канонику Марку, публичная дорога, проходящая мимо спишскаго селенія Коритника, названа ведущею въ Угорщину: *usque ad unam viam, qua itur versus Hungariam* (Bardosy, Supl. anal. Scer. p. 419 sq.)

Изъ приведенныхъ историческихъ, географическихъ и этнографическихъ данныхъ, подтвержденныхъ какъ древнѣйшими грамотами, такъ и хрониками польскими и угорскими, съ полною несомнѣнностью можно заключить, что граница русской народности и государства въ X и даже XI вв. проходила не по Сану, даже не по Вислоку или Вислокѣ, какъ утверждаютъ нѣкоторые тенденціозные писатели ново-польскіе, а по линіи отъ Кракова до хребтовъ Татръ и далѣе по ихъ гребню до сѣверо-восточнаго угла нынѣшняго липтовскаго комитата въ Угорщинѣ. Такимъ образомъ, здѣсь древняя Русь соприкасалась съ государствомъ Велико-Моравскимъ, а по его паденіи, — съ государствомъ Чешскимъ (См. Лѣтопись матицы словенской, годъ XII, вып. I, стр. 23). Граница между древнею Русью, именно входившимъ въ ея составъ племенемъ Бѣлыхъ Хорватовъ, и Чешскимъ государствомъ проходила въ вѣкъ Владимира Святаго по водораздѣльному кряжу между теченіемъ рр. Вага и Грона, то-есть, по отрогамъ горъ Фатры, примѣрно по южнымъ границамъ нынѣшнихъ комитатовъ Липтовскаго, Оравскаго, Турчанскаго, Нитрянскаго и Коморнянскаго. Съ Угорскимъ государствомъ Русь соприкасалась въ то время по Дунаю между городами Остригономъ (Gran) и Вацовомъ (Waizen); затѣмъ по низменностямъ, обрамляющимъ горы Вацовскія и Матру, мимо г. Ягра (Eglaui) до р. Шаявы или Солной; далѣе по этой рѣкѣ до Тисы, ея ложемъ до впаденія Сама (Szamos), вверхъ по теченію послѣдняго въ нынѣшней Сатмарской области, и въ Семиградѣ възлѣ Самошъ Уйвара, до смежныхъ Семиградскихъ Альпъ, которые преп. Несторъ не безъ основанія называлъ горами Угорскими: здѣсь утвердились первоначально Угры, оставившіе свое имя Угровлахіи: отсюда спустились они въ Семиградье и въ долину средняго Дуная.

Доказательства такого очертанія древнѣйшихъ западныхъ границъ Руси въ странахъ закарпатскихъ представлены будутъ въ особой статьѣ.